

Тема социализма в эмигрантской публицистике В.В. Шульгина*

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — один из самых известных политических деятелей России начала XX века, оставивший обширный пласт воспоминаний о пережитом им и страной в те непростые годы. Шульгин-мемуарист, Шульгин-беллетрист, Шульгин-литератор хорошо известен любителям русской истории, в то время как Шульгин-журналист только возвращается к читателям. Его публицистическое наследие поистине огромно, и подавляющая часть написанных им газетных и журнальных статей, до сих пор не переизданных, хранится в различных архивах и библиотеках России и зарубежья. Взяв на себя труд по переизданию его работ, мы выпустили в конце 2020 года книгу статей В.В. Шульгина, опубликованных в годы революции и Гражданской войны — с весны 1917 по осень 1920 года. [1]. В настоящее время нами готовится к изданию следующая книга статей В.В. Шульгина, включающая в себя все его публицистические работы 1921–1939 годов. Выход ее в свет — предположительно, под названием «Имя русское» — планируется во второй половине 2023 года. В данное издание войдет несколько сотен статей на самые разные темы — украинский вопрос, внутренняя и внешняя политика СССР, политическая и повседневная жизнь русской эмиграции, воспоминания о революции 1905–1907 годов, деятельности Государственной думы, Первой мировой и Гражданской войнах.

Для данного номера «Тетрадей по консерватизму» мы подготовили ряд эмигрантских статей В.В. Шульгина, объединенных темой социализма. Первые две из них — «Гуртова земля — чертова земля» и «Сатана лгал» — посвящены критике социалистических опытов в России, осуществляемых большевиками. Две последующие — «Самобытники» и «Славянофилы» — затрагивают вопрос о «социалистических» тенденциях в тех течениях русской мысли, которые, как будто бы, выражали мнение кругов, выступающих против привнесенных с Запада социалистических идей и отстаивающих идею о самобытном пути развития России. Будучи консерватором-западником, Шульгин резко критиковал помещичью крестьянскую общину, «социализм Высочайше установленного образца», и считал ее одним из основных виновников гибели России и торжества большевизма. В пятой статье — «Не туда поворот...» (Памяти П.А. Столыпина) — объединены обе темы, а в качестве альтернативы левым «социалистам» и правым «самобытникам» выдвигаются идеи П.А. Столыпина. Также в этой статье на примере монашеских общин затрагивается тема о взаимоотношениях христианства и социализма.

Публикуемые ниже статьи впервые были напечатаны в журнале «Зарницы» (Константинополь / София) и газетах «Свободная речь» (София), «Возрождение» (Париж),

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-98.2022.2 «Эмигрантская публицистика В.В. Шульгина 1921–1939 гг.: Русское зарубежье, Советская Россия, украинский вопрос».

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории СПбГУ. E-mail: a.chemakin@spbu.ru

«Голос» (София), «Голос России» (София). Полные подшивки некоторых выходивших в Болгарии изданий — в первую очередь, «Свободной речи» и «Голоса» — отсутствуют в российских архивах и библиотеках. Обнаружить статьи Шульгина, опубликованные в данных изданиях, удалось благодаря справочнику «Периодика на руската емиграция в България (1920–1943)» [2, с. 118, 129, 139, 683, 685, 688], а скопированы они были из подшивок, хранящихся в Региональной библиотеке «Стилиян Чилингиров» (г. Шумен, Болгария) и Славянской библиотеке (г. Прага, Чехия).

«Гуртова земля — чертова земля»

Максим Горький пишет:

«Стихийное бедствие, разразившееся над Россией, — стихийно и *предвидеть его было нельзя*»¹.

Неужели?

Из года в год, приблизительно через каждые пять-десять лет, Россию постигает неурожай. Об этом существует высоко развитая статистика, бесконечное количество раз рисовали всевозможные «урожайные кривые», и каждый гимназист не выше пятого класса отлично знает, что «Россию время от времени постигают неурожай вследствие засушливого климата».

Правда, в былое время это бедствие хотя и признавалось бедствием, но никаких особых тревожений в государстве не вызывало. Существовал хорошо налаженный аппарат, который почти автоматически начинал действовать, когда пять-десять-двадцать губерний объявлялись «на положении голодающих». Конечно, для беспристрастного человека в этом зрелище, когда в буквальном смысле «по манию царя» начинали течь реки зерна (преимущественно с запада на восток, ибо именно восточная Россия чаще всего страдала от периодических неурожаев), — можно было бы найти много поучительного и даже величественного. Ибо действительно можно было умилиться духом, если хорошенько подумать о том, как Государство без всяких особых напряжений спасало от голодной смерти много миллионов людей.

Но так как беспристрастных людей у нас почти не было, а были только не весть почему бешено озлобленные интеллигенты, то грандиозная задача спасения целых народов ни в ком ни умиления, ни благодарности не вызывала. А вызывала совершенно противоположные чувства.

Как известно, голод и борьба с ним всегда были излюбленным поводом всячески травить правительство. Врала при этом о «Царе Голоде»² нестерпимо. Стоит хотя бы вспомнить знаменитую историю 1907 года, — историю Гурко — Лидваль³, когда наши политические недоросли стремились потопить Столыпина через Гурко. Правда, Столыпин ответил им тем, что голодающих накормил, а Гурко отдал под суд. Правда, суд совершенно обелил В.И. Гурко в приписываемых ему бесчестных деяниях, а признал только превышение власти, имевшее, однако, целью государственное благо, но истерическая злоба нашего *soi-disant*⁴ культурного класса от этого не уменьшилась. В точности не помню, но, вероятно, и Максим Горький, в то

¹ Горький М. Стихийное бедствие // Правда. 1921. 23 июля. № 160. С. 1. В оригинале: «Бедствие, разразившееся над Россией, — стихийно; предвидеть его было нельзя, заранее предупредить — невозможно».

² Отсылка к стихотворению Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1865): «В мире есть царь: этот царь беспощаден, / Голод название ему. / Водит он армии; в море судами / Правит; в артели сгоняет людей, / Ходит за плугом, стоит за плечами / Каменотесов, ткачей». Также см. брошюру А.Н. Баха «Царь-Голод» (1896 г. — нелегальное издание, 1917 г. — легальное) и драму Л.Н. Андреева «Царь Голод» (1908).

³ Имеется в виду широко обсуждавшийся в прессе коррупционный скандал, связанный с заключением товарищем министра внутренних дел В.И. Гурко невыгодной для казны сделки на поставку зерна с купцом Э.Л. Лидвалем.

⁴ якобы, так называемого (фр.).

время свежевенчаный из босяков в гении, не преминул запустить из какой-нибудь подворотни камнем в правительство, победоносно боровшееся с голодом, тифом и цингой.

Все это известно до тошноты. Но Горькому ничего не известно. Горькому кажется, что этого бедствия и «предвидеть было нельзя».

И вот эти люди, такие как Горький, собираются перестроить мир. Если они не могли предвидеть того, что знает девочка, выучившая учебник географии, то как могли они предвидеть, что выйдет из социалистических затей?

*Gouverner, c'est prévoir*¹, — говорит французская поговорка.

Увы, не только Максим Горький ничего не знал и ничего не предвидел... Есть много таких же, и не только среди большевиков.

И вот для них нам хочется сказать.

Земля мстит за себя. Земля — это двуликий Янус, странное существо. В наш свободолобивый век все ищут эмансипации, освобождения от оков... А вот земля наоборот. Земля просит одного: хозяина. Пока у земли есть хозяин, она бесконечно доброе существо, любвеобильная Деметра — мать-кормилица. И притом она не боится числа. Земля согласна иметь хоть бы двести миллионов хозяев, но только так, чтоб на каждом данном кусочке всегда был один хозяин. Вот это единственное условие если соблюдено, то земля не считает, сколько детей надо прокормить: если число их увеличилось, она только сильнее напряжет мышцы своего хлебородного чрева и выжмет из себя лишние миллиарды колосьев.

Но если отнять у земли хозяина, то она становится лютой тигрицей, которая страшно мстит за это деяние, почитаемое ею высшим для себя оскорблением. Не помня себя от беспокойства и боли, она натравливает друг на друга всех своих детей, и они орошают ее грудь потоками крови до тех пор, пока не найдут основной причины зла: пока не поймут, что земля сбесилась именно с той минуты, как перестала ощущать на себе власть хозяина.

Толстой говорил: «земля — Божья».

Но великий писатель, который, увы, в то же время был «от печки мыслитель», не видел в каком смысле нужно понимать эти слова.

Да, земля — Божья. Но это значит, что к ней нельзя прикасаться нечистыми руками, что собственность на землю священна и неприкосновенна. Что к земле Божьей может прикасаться только посланник или помазанник Божий. Кто же прикоснется к земле нечистыми руками, кто землю Божию захочет сделать «гуртовой² землей», тот получит только «чертову землю».

Ибо трижды свят и нерушим хохлацкий закон:

— Гуртова земля — чертова земля.

Социалисты, вот пример для вас.

Из Святой русской земли, из Земли Божьей вы хотели устроить коммунизированную землю или — что то же — «гуртову землю».

И вот результат: кровью залита она, и по этому красному месиву ужасной ордой осчастливленных социализмом людей идут много миллионов умирающих, идут с востока на запад.

«По манию Царя» с запада на восток плыли хлеб, помощь, свет и культура.

По чьей же воле теперь с востока на запад движется кровь, голод, чума — апокалипсический ужас?

По манию Дьявола, — скажут.

Может быть... Может быть, от Дьявола. Потому что наши батки и деды сказали:

— Гуртова земля — чертова земля.

Зарницы. 1921. 21 августа. № 19. С. 2–3.

¹ Управлять — значит предвидеть (фр.).

² принадлежащей всем, общей, совместной (укр.).

Сатана лгал

Многие веровали в мессианизм русского народа. Верили славянофилы, верил Достоевский, отчасти верили народники. На наших глазах здесь, в Софии, верят евразийцы.

Но многие потеряли веру. Русский народ, одетый в рубище своих несчастий, так жалок, что — какой уже тут мессианизм!

Только это напрасно. Правы все же верующие.

Русский народ имел и имеет свое предназначение, свою миссию в этом мире.

Русский народ призван сказать свое новое слово.

* * *

С тех пор, как Сатана заделался социалистом, человечество не знает покою. Катехизис дьявола ясен и прост.

— Бросьте думать о блаженстве на небесах. Блаженство будет на земле. Для этого надо — отнять и разделить. Богатых убить. Их богатство разделить между бедными. Всего на свете много — на всех хватит. И будет блаженство.

С тех пор мир — как на вулкане. Бедные всех стран желают броситься на богатых. Они ведь не знают, что всего — мало и еле хватает на всех... Что богатых горсточка... Но что только благодаря этой горсточке мир сводит концы с концами... Что без богатых мир погибнет — так, как гибнет армия без офицеров... Что богатые — это офицеры экономической армии... Что богатые — это те, что оказались самыми способными и сильными в войне с природой за хлеб насущный... Что поэтому они и управляют экономической жизнью на «офицерских должностях».

Конечно, бедные всех стран этого не знали. Они этого не знали потому, что до сих пор эта истина была известна только великим мыслителям и великим пророкам. И те, и другие получили это знание от Бога... Только первые через науку, а вторые через вдохновение.

Но бедные этого не знали и поверили Сатане, который сделался социалистом.

Ведь так сладко было верить, что всего много и стоит только — *отнять и разделить*.

* * *

И тогда на весах Судьбы было решено, что нужно допустить этот опыт. И разрешено было Сатане выкликать:

— Народы! Кто из вас согласен креститься от меня? Крещу огнем и мечом в новую веру: отнять и разделить.

Другие народы притаились — хитренькие и лукавые: пусть кто-нибудь, а мы потом.

Но русский народ ответил:

— Я здесь, Господи!

Назвал Сатану — Господом, и пошел на крестную муку: отнимать и делить.

* * *

Мы, белые, те немногие, кто знали от мыслителей и пророков истину, что всего мало, что богатые нужны потому, что без них бедные станут во сто раз беднее, — мы

пытались удержать русский народ. Ценою своей жизни хотели вырвать его из рук Сатаны. Но он (Сатана) наделал войск из наших же братьев и выгнал нас с нашей Родины огнем и мечом.

* * *

Великий жизненный опыт начался: отняли и стали делить. Четыре года длится крестная мука. Для чего? Для того, чтобы спасти мир.

В России был, быть может, один миллион богатых и сто семьдесят миллионов бедных. Но все были сыты. Теперь богатых нет. Но с тех пор, как их не стало, бедные, когда-то сытые, миллион за миллионом умирают с голоду.

Многие спрашивают: как это случилось, что Ленина до сих пор не убили?

Ах, господа, как же вы не понимаете, что тогда жертва русского народа не была бы доведена до конца.

Ведь если бы Ленина убили сразу, бедные всего мира сказали бы: вот богатые убили *нашего* Ленина, а он хотел нам, бедным, дать блаженство на земле. Совсем уж близко было блаженство — да убили.

И мир не понял бы.

Но Ленина не убили, и он дожил до своей положенной ему черты.

* * *

Ленина не убили, чтобы он сам убил себя на глазах всего мира.

Когда мы, белые, говорим: без богатых бедные стали во сто крат беднее, — нам не верят.

Но когда Ленин, первый слуга Дьявола, тот, кто по его поручению не на словах только, а на деле «отнял и разделил», кто взаправду уничтожил богатых, кто не в теории, а через плоть и кровь русскую устроил блаженство на земле, когда сей архистратиг Сатаны всенародно перед всеми миром отрекается от своего дела¹, — то ему поверят.

* * *

Ленин говорит:

— Я отнял и разделил. Я совершил избиение богатых. Я сделал все, как сказал мне Сатана. Но *Сатана лгал*. Блаженство не наступило. И я оборотился вспять. Я отдаю, что отнял. Я запрещаю делить. Я воскрешаю убитых богатых, потому что без них бедные стали во сто тысяч крат беднее.

* * *

Теперь, если Сатана возьмет Ленина к себе, особой беды не будет! Дело сделано.

Россия исполнила свое предназначение. Устами Ленина она сказала «новое слово».

И это слово:

— *Сатана лгал*.

Свободная речь. 1921. 8 декабря. № 8. С. 2.

¹ Имеется в виду переход к новой экономической политике.

Самобытники

Должен сказать, что я побаиваюсь «самостийников» и «самобытников». И тех и других по одной и той же причине: обе породы умничают. «Самостийники» (некие югороссы) отрекаются от общерусской культуры, в создании которой им же самим, однако, принадлежит не последнее место. А «самобытники» (некие северороссы) отрицаются от общеевропейской цивилизации, в богатствах которой и их капля меду есть и притом не малая. К чему это? Что за расчет отречься от своего роду-племени?

Почему людям, имеющим почтенных и законных родителей, непременно надо своеобразно обманывать мир: «Нет, господа, мы — не в мать, не в отца, мы — в прохожего молодца».

* * *

В вопросе самобытничества надо быть в особенности осторожным еще и потому, что из крайности — «отречемся от старого мира», весьма легко впасть в крайность «выдыбай, Боже!»¹. Если бы Володимер Святославович послушался тогдашних «самобытников», то, конечно, не принял бы христианства и остался бы при золотоусом Перуне киевском. Не знаю, найдется ли достаточно смелый самобытник, который взялся бы доказать, что так и надо было поступить. Об остальных примерах помельче умалчиваю, но их можно было бы привести столько же, сколько дней в русской (да и всякого народа) истории. Ибо каждый день, когтями и зубами защищая то, чему еще надлежит быть, приходится «отречься» от того, что уже свершило свой круг. И все искусство только в том, чтобы верно угадать «плепорцию», не пересолить в новшествах и не переперчить «по старинке». Впрочем, разве не во всем на свете — так? Разве не всем известна формула: «перелет, недолет, — правильно!». Возьмешь немножко вправо — не попадешь, немножко — влево, тоже не попадешь, надо брать в самый центр, но центр-то один, а правизна и левизна безграничны, точно так же, как истина, которая только — одна, а ошибок — миллион...

* * *

При оценке каждого явления, мне кажется, хорошо применять следующий метод. Если что есть, если что-нибудь существует, то факт существования сам по себе говорит уже за то, что данное явление *надо бы* сохранить; ибо были же значит какие-то причины, почему явление «выжило» среди бесчисленного числа явлений, не выдержавших экзамена на бытие. Но от «надо бы» до «надо» — дистанция огромнейших размеров. Поясню сие примером. Сотни лет освещались люди лучиной. И вдруг появляется керосинка. Как быть? По-моему, надо бы держаться лучины, но, однако, всячески «выяснять» керосинку. И если совершенно выяснится, что керосинка лучше, причем в этом «лучше» будут заключена всесторонняя оценка жизни на светлость, на удобство, на дешевизну, на безопасность, надо (хотя и со вздохом) решить в пользу керосинки. И тогда уже больше нечего «ломаться». Нельзя в силу принципиальных соображений отказываться от явного улучшения быта, ибо при всем уважении к «субботе», «не человек для субботы, а суббота для человека».

Все это элементарно ясно, пока дело касается именно «быта», то есть нашей повседневной жизни. И не один самобытник не захочет отказаться от электричества потому, что при царе Алексее Михайловиче знали только свечи «воску ярого». Не захотят они так-

¹ «Выдыбай, боже» — согласно легенде, слова, которые кричали приверженцы язычества деревянному идолу Перуна, поверженному князем Владимиром и сброшенному в Днепр во время крещения киевлян в 988 г. («выдыбай» — выплывай).

же отрицаться от водопроводов и канализации и вообще возвращаться к тем «невероятностям», которые характеризуют отживший быт... Эти удовольствия мы испытали благодаря большевикам, кои своими «варварскими новшествами» довели нас до «старинного варварства», доказав еще раз, между прочим, что «крайности сходятся»...

* * *

Но то, что совершенно очевидно «в быту», почему-то становится неясным «в политике». Очень выпукло это явление обнаружилось в Государственной думе при обсуждении столыпинской аграрной реформы. В отрицании реформы трогательно соединились два крыла: справа — самобытники, слева — социалисты. Обе умничающие породы голосовали против очевидности: всем было ясно, что в век керосина нельзя освещаться лучиной, другими словами, что поземельная община должна уступить место индивидуальному землевладению, но самобытники не хотели расставаться с «самобытностью», то есть земельной общиной, а социалисты видели в этой самобытности зачатки социализма.

* * *

Но, быть может, самое поучительное во всем этом, что оное самобытническое преклонение перед великорусской земельной общиной имеет определенно швейцарско-франко-польские корни. Вот цитата, хотя и из «Современных записок»¹, но не лишенная интереса:

В XVIII веке вождь французского просвещения Жан-Жак Руссо, тоскуя о государстве равенства и свободы, обратил свое внимание на Польшу. В формах шляхетского народовластия Речи Посполитой он усмотрел начала, близкие к его учению и способные претвориться в формы свободной демократии. Идея упала на благодатную почву. Польские патриоты конца XVIII и первой половины XIX века, мечтавшие о возрождении польской государственности — свободной и демократической, с любовью взрастили эту идею, представили Польшу в свете учения Руссо и создали пышную теорию славянского «гминовладства». Славянский народ — особенный. Древнеславянский общественный строй явление исключительное; глубоко отличное от строя народов Запада. В этом строе воплощены были великие принципы демократии — начала равенства, братства и свободы. Основа жизни древнего славянства — общность. Власть принадлежала всему народу, была общинной. Не было ни господ, ни царей. Все были равны, все были братья. Жили славяне в селениях, носивших название: слобода или свобода. В земельном строе славян был воплощен земельный идеал Руссо. Руссо сказал о земле: «Первый, кто, оградивши участок земли, вздумал сказать: это мое, и нашел людей довольно глупых, чтобы ему верить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы человечество тот, кто, выдернув колья и закопавши ров, кликнул бы себе подобным: смотрите, не слушайте этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежат всем, а земля никому». Идея Руссо о «ничьей земле» была положена в основу древнеславянского строя. Славяне не знали частной собственности на землю. Земля принадлежала всем и управлялась общиной. Община делила землю на равные части и отдавала участки «святой земли» своим членам в пользование. По смерти владельца земля возвращалась к общине. Демократические начала древнеславянской жизни померкли в дальнейшем течении славянской истории. Лишь в государственном строе Польши они достигли большого развития. Но и Польская республика в своем позднем периоде, лишив народ всяких прав, уклонилась от древнеславянского общинного быта и потому пала. Славянские начала сохранились на низах народной жизни — в деревенской крестьянской общине. Задача славянства сберечь этот драгоценный обычай, восстановить демократические основы древнеславянского быта и указать Европе пути к обновлению. Славянству определено великое назначение. Роль Польши — Мессии народов. Так создалась прекрасная и стройная теория, духовным творцом которой был Лелевель и вдохновенным проповедником Мицкевич.

¹ «Современные записки» — парижский литературный журнал правоэсеровского толка.

Теория «гминовладства» в очень слабой степени опиралась на научные и исторические источники. Она была построена априорно и в значительной части своей была соткана патриотической мечтой и политической фантазией. И, тем не менее, значение ее в духовной жизни XIX ст. было велико. В течение полувека она безраздельно господствовала в польской литературе. Она определила развитие чешской исторической науки. Проникнув в Россию, она зажгла там самое вдохновенное русское идейное течение — славянофильское. Но и на Западе она не осталась без влияния. Лекции Мицкевича в Париже произвели сильное впечатление на передовую демократию Европы. В славянском общинном быте видели воплощение идей Руссо и Фурье. В славянах видели главных носителей демократических начал, призванных обновить устаревший быт Европы. Вырос интерес к славянским народам. Предпринимались путешествия в славянские земли. И есть много оснований предполагать, что призрачной теории славянского общинного быта была обязана своим «открытием» живая русская земельная община (И. Бунаков, *Современные записки* XII).

* * *

Так-то, если верить Бунакову, из высосанных из кусочка родного швейцарского сыра фантазий Ивана Яковлевича Руссо (каким махровым самодурством кажутся его чревоутождения ныне при свете большевицкого опыта!), политых доброй польской старкой¹ — зубровкой из Беловежской Пуци, изделия Адама Мицкевича и других восторженных пяхов, выросла идеализация великорусской земельной общины нашими русскими «самобытниками». Этот пример останется на веки поучительным.

И в особенности, если верно следующее соображение: столыпинская реформа трагически запоздала; ей самое время было бы в царствование императора Александра III; но тогда она не могла быть, ибо ей препятствовал союз «восточников» и «западников», союз «самобытников» и «социалистов», объединившихся в этом вопросе, то есть в дружном стремлении удержать великорусскую деревню в положении, которое некогда, вероятно, было полезно и нужно, но со второй половины XIX века с каждым днем все более уподоблялось мертвой петле; если бы не это роковое запоздание, быть может вся русская история повернулась бы иначе. Ведь утверждали же немцы, вскоре после начала столыпинской реформы: «25 лет такой работы, и Россия будет непобедима»...

* * *

Если предыдущие соображения верны, то можно сделать следующий, не лишенный и для нашего времени серьезного значения, вывод: те, кто в свое время на словах презирал и обличал Европу, подобно тому, как на наших глазах это делают ныне евразийцы, на самом деле все же отыскивали в Европе нечто для себя любезное. Увы, это не была лицевая сторона Запада; это была его изнанка, бред мозгов, не выдержавших крепкого раствора цивилизации, ядовитый продукт распада тканей... Однако, отыскав оное проклятое зелье, они, «самобытники», пересадили его в Россию и стали культивировать его у себя на родине, но не под видом заморского цветка, а в качестве «национально-русского», «самобытно-русского» овоща. Сими своими деяниями самобытники ввели в соблазн не малое количество великих персон и тем причинили изрядный ущерб Государству Российскому.

Возрождение. 1925. 4 августа. № 63. С. 2

¹ *Старка* (Starka) – польский алкогольный напиток с содержанием спирта 40–43%.

Славянофилы

Когда говорят о славянофильстве, то в представлении русских неминуемо встают образы Аксакова, Хомякова и других людей этой «славянофильской» складки. Хорошие это были люди, что и говорить. Но при всех их достоинствах они слово «славянофильство» испортили для «потомков». Почему?

Вот почему. Славянофильство, то есть «взаимная славянская любовь», должно иметь своим предметом отношения «международные». Международные, конечно, не в смысле «дипломатическом», а в смысле чувств самих славянских народов друг к другу. В этом смысле славянофильство должно заниматься делами «внешними», а не «внутренними». Конечно, люди славянофильского направления, то есть стремящиеся укрепить любовь славян друг к другу, могут и должны иметь свои воззрения и по внутренним вопросам своей собственной страны и своего родного народа. Но эти их устремления не должны входить в круг деятельности «славянофильской» и в особенности не должны носить этой «клички».

«Славянофильская внутренняя политика». Ведь это выражение, в сущности, бессмыслица, потому что славянская политика может быть только «внешняя». Между тем в России «славянофильство» стало выражать более способ решать русские дела, чем печалиться об общеславянских нуждах. Произошло это потому, что русские славянофилы складки Аксакова и Хомякова стали основателями выдающегося внутренне-русского политического учения. Если русский говорил про себя «я славянофил», то это означало, что (кроме обязательного доброго расположения к славянам) он является адептом яркой внутренне-русской политической доктрины. И это вносило серьезную путаницу в истинное понятие о славянофильстве, которое, как таковое, не может и не должно заниматься делами внутренними.

Внутреннее учение «славянофилов», о котором идет речь, было весьма своеобразно. Оно дышало подлинным вдохновением в своей чисто политической части и было мазано чистой и очень вредной маниловщиной в части социальной, что бы не сказать «социалистической».

«Православие, Самодержавие и Русский Народ!» В этой трехчленной формуле два крайних утверждения и сейчас неоспоримы. Пока русский народ лучшей частью своей души был устремлен к Богу, и земные дела его преуспевали. Преуспевали потому, что Божественные Веления заменяли ему мораль рационалистическую, экспериментальную. Религиозные народы просто в силу своего умиротворенного верой настроения знают те необходимые для общежития истины, которые даются народам, потерявшим общение с Божеством, только в результате долголетнего кровавого опыта и тягчайших испытаний. Увидев то, что мы видели, то есть ужасы, порожденные возвращением к безбожию, наше поколение может мечтать только об одном: чтобы русский народ как можно скорее вернулся к Православию, то есть к христианству, то есть к Богу.

«Самодержавие...». Нам надо было увидеть, что самодержавие без Самодержца в трудные годы не может спасти государственного корабля.

Если появится русский Наполеон, он, вероятно, восстановит самодержавие и Россию. Если же этого чуда не родит русская земля, то будущим поколениям придется еще доказать на деле, что вообще может быть Россия, такой, как мы ее себе представляем без самодержавия.

Но, во всяком случае, останется русский народ. Вот этот-то русский народ, заключенный в такой новый государственный сосуд, что многие не признают за «свою, прежнюю Россию», будет, быть может, более прежнего нуждаться в подлинном славянофильстве, то есть в «взаимной любви славян между собой».

Чтобы перейти к нему, к чистому славянофильству, скажем еще несколько слов о той доктрине, которая слыла в России под именем «славянофильской».

В одном деле, выражаясь тривиально, русские «славянофилы» дали большого маху. Их воззрение на землю, а в связи с этим их полусоциалистическое представление о русской деревне было причиной того, что так называемая столыпинская реформа запыдала лет на пятьдесят. А это обстоятельство в свою очередь обусловило полунищенство значительной части Великороссии. Задолго до насаждения марксизма руками Ленина и К^о в России существовал «социализм Высочайше установленного образца», выражающийся в общинном владении землей. Какова была его роль, можно судить из нижеследующего. Когда Столыпин начал свою антиобщинную работу, немцы, внимательно следившие за Россией, выпустили большой труд, основной мыслью которого было: еще 25 лет «столыпинской работы» (в результате которой пол-России выйдет на хутора), и эта страна, получив здоровый и крепкий социальный фундамент, станет вообще *непобедима*. Некоторые думают, что эта мысль в ряду других причин ускорила нападение Германизма на Славянство.

Не лишнее, пожалуй, будет прибавить, что горячее увлечение «самобытной русской общиной» пришло к нам... от поляков. Мицкевич и некоторые другие польские патриоты, начитавшись Жан-Жак Руссо, пылали желанием применить женеvские откровения на польской почве. И вдруг открыли в медвежьих углах «Речи Посполитой» нечто, что наполнило их неопиcуемым восторгом: коммунистическое обращение с землей! Это были остатки общинного владения, через какое, по-видимому, прошли все народы мира. На очень ранних ступенях цивилизации такое владение было даже единственно возможное, но затем оно повсеместно исчезло, как несовместимое с новым темпом жизни. Вот этот пережиток отыскал Мицкевич где-то, должно быть, по соседству с Беловежской Пущью, и сотворил из него себе кумир. Когда этот новый вид идолопоклонства перекочевал в Россию, то восторгу славянофилов не было предела, ибо оказалось, что пол-России еще стучает лбом сему Перуну. Хуже было то, что Перуну приносилось и много человеческих жертв; ибо великорусская деревня, погрязая в общинном равенстве, обрела вместе с тем равенство в невежестве и бедности. Но славянофилы в увлечении своем сего не заметили, и поземельная община была объявлена истинно-русским самобытным институтом и притом институтом благодетельным. Так долго думала и власть.

Надо надеяться, что после ленинского опыта, который довел «общинное владение» до его логического конца и показал предельные результаты оногo, с этим вообще кончено раз навсегда.

Все вышеизложенное рассказано только с одной целью. Признавая «славянскую любовь» делом в настоящее время нужным более, чем когда-либо, и становясь таким образом в ряды славянофилов, необходимо очистить это слово от посторонних примесей, как мудрых, так и неудачных — безразлично.

Пусть отныне *славянофилами* будут называться люди, работающие на сближение славянских народов, совершенно независимо от того, какие доктрины они исповедуют в своей «внутренней» политике.

Голос. 1928. 27 декабря. № 9. С. 2.

«Не туда поворот...»
(Памяти П.А. Столыпина)

Два психических потока вертят колесо мировой души. Относительная сила той и другой струи постоянно изменяется. Направление струй как будто бы противоположно, на самом же деле они совершают одну и ту же работу. Однако если слишком загрузить струю,

в данную минуту слабую, и оставить без достаточной нагрузки струю временно мощную, начинаются беды. Надо всегда знать, в какую сторону двинуть рычаг, регулирующий машину. «Не туда поворот» вызывает потоп. Потоп крови и слез...

Сказанное, благодаря слишком алгебраическому обобщению, достаточно непонятно. Из дальнейшей конкретизации дело станет ясней.

Стоя на берегу озера (хотя бы Генисаретского), бесплодно проповедовать рыбе: «Ты, рыба, должна принести себя в жертву, чтобы напитать своим рыбьим телом существо более совершенное — человека». Рыба останется в озере, человек не напитается. Рыбу поэтому приходится ловить на крючок. Что в этом случае, то есть при рыболовстве, происходит? Рыболов пользуется одной из двух пружин мировой души, пружиной, называемой эгоизмом, то есть любовью к самому себе. Рыба хочет есть. Она стремится напитать не чужое тело, к которому она совершенно равнодушна, а свое собственное. Побуждаемая «личным интересом» рыба хватается приманку, а с ней и крючок.

Наоборот: та же проповедь о жертвенности, на берегу того же Генисаретского озера, была обращена к будущим христианам и принесла изумительные плоды. Спаситель действовал на другую космическую пружину, называемую «любовь к ближнему».

Идеальный коммунизм (или социализм, не будем сейчас их различать) лежит где-то на перекрестке двух струй. Сказано: «люби ближнего, как самого себя». Такими идеальными коммунистическими ячейками были Общины первых веков христианства. По их образу создались монастыри, то есть коммун монахов. Иногда эти монашеские коммун были очень плохой копией с оригинала. Но это не меняет дела, а только его утверждает. Монастыри переставали быть тем, для чего они назначены, когда личный состав их не соответствовал поставленной идее. Ежели монахи обуреваемы были «мирскими», то есть эгоистическими страстями, то надо было: или их, монахов, разогнать, то есть вернуть миру; или же действовать на их «личный интерес», то есть внести мирской закон в Божественную обитель. Так и бывало иногда. Некоторые монастыри держались системой наказаний, вплоть до жестоких истязаний. Другие опирались на самолюбие, властолюбие, тщеславие или, как говорилось в старину, «стеклышко мирской гордости». Чем дальше от «любви к ближнему» уходили монашествующие, тем более правители монастырей принуждены были действовать на их любовь «к самому себе».

При всех своих недостатках монастыри, однако, выработали прочный тип «хозяйственной коммуны». Что это значит? Это значит, что у монахов любви к ближнему все же оказалось настолько, что в сфере экономической они научились сливать свой личный интерес с общественным, с интересом своей коммуны, то есть монастыря. Крайне важно следующее: даже большевистские авторы вынуждены признать, что единственными прочными коммунами в стране безбожия, то есть в СССР, оказались... бывшие монастыри. Дело в следующем. Личному составу некоторых монастырей удалось зарегистрировать себя в качестве хозяйственных коммун, согласно большевистским порядкам; в этом случае монахам оставляли часть монастырского имущества. И вот эти бывшие монастыри оказались наиболее подготовленными к восприятию «коммунизма».

Это кажется парадоксальным, на самом же деле так и должно было быть. Коммунистический строй добровольно практикуется христианскими монастырями в течение двух тысяч лет без малого. Неудивительно, что за такой срок выработались навыки и умение (по крайней мере, в хозяйственной сфере) сливать свое с чужим. «Работай на ближнего твоего, как на самого себя». Это есть альфа и омега всяких «коммун». Если этого нет, коммуна неминуемо тонет в «личном интересе», распадается на «единоличников».

Большевикам, когда они вводили социализм, необходимо было следующее: поднять все население «социалистического отечества» до моральной высоты хотя бы самых недостойных иноков. Ленин должен был бы провозгласить:

— Учитесь у монахов .

И это по той простой причине, что только монахам практически, то есть на деле, а не на словах, удавался коммунизм. Попытки этого рода были еще сделаны в России «толстовскими колониями». Но судьба их известна. Это были хрупкие цветы «умствующих» людей, не подготовленных *душевно* к христианскому коммунизму. Эти одуванчики легко уносил первый же шквал «личного интереса». А шквал неизбежно набегал, когда толстовцы сталкивались с действительной хозяйственной жизнью. Толстовщина не привилась и не удалась. Но монастыри, худо ли, хорошо ли, жили, и жили, и дожили до революции.

В своем волчьем невежестве именно в том деле, за которое они взялись, большевики обрушились на Церковь. А Церковь была единственной школой практического коммунизма! И притом в мировом масштабе! Вместо уничтожаемых монастырей гнусные шуты устроили коммунистическую «школу на Капри». И поставили в настоятели блаженного Максима Горького. Выбор не из удачных. Как многие бывшие «босьяки», вышедшие в «люди», он мог бы быть отличным преподавателем... «личного интереса»...

* * *

Школа на Капри — пошлый вздор, а то, что произошло в России, апокалипсический кошмар. Есть совершенно удивительная былина: «Отчего перевелись богатыри на Руси?». Потому перевелись, что стали драться с силами «неодолимыми»: разрубят врага напополам, а из одного делается двое. И так от ударов из собственных мечей выросли полчища несметные и погубили богатырей.

В этой былине предсказано все, что свершается на наших глазах. Это особенно поучительно для тех, кто (а есть такие) почитает большевиков богатырями. Во всяком случае, большевика вызвали на бой силы «неодолимые». А причины появления этих сил *неодолимых* — «не туда поворот».

* * *

Скоро исполнится 25 лет, как был убит Столыпин. Кажется, Гёте сказал, что гений отличается двумя чертами: восторженностью и трезвостью. Последнее качество помогло Столыпину в одном смысле: он ясно понял ужасающий вред, который приносило реальной России сантиментальное равнение на «Святую Русь».

«Святая Русь» был красивый и реальный образ для наших предков. Они противопоставляли свое отечество нехристианскому миру.

Господи Боже, Сотворителю Небесный!
Вызволи нас, бедных невольников,
Из тяжкой неволи, из страны басурманской,
На тихие воды, на ясные зори,
В край веселый, в край крещеный, —
На святой русский берег...

Так молились русы в турецкой неволе, и эту их молитву сберегли малорусские думы (былины).

В устах рабов Святая Русь (эмблема свободы) прозрачна, как картина Нестерова. Но уже иначе это звучит в Московской Руси. Московская Святая Русь иногда отдавала тем мракобесием, которое на своем опыте хорошо узнал Петр Великий. В устах же нашей интеллигентщины XIX века «Святая Русь» была декламацией иногда гениальной (Достоев-

ский), но чаще нестерпимо фальшивой. Справедливость заставляет сказать, что под этой литературой, превосходной или плохой, не было жизненного фундамента. К сожалению, и в эмиграции продолжается это слащавое направление. «Святая Русь, Русь Сергия Радонежского, Русь Серафима Саровского»... Кто только не упражняется нынче в этом стиле! Побойтесь Бога, господа. Святые Сергей и Серафим жили и подвизались достаточно давно. А вот вы в вашей жизни встречали святых? Был отец Иоанн Кронштадтский. Его очень чтит император Александр III. Но вы, декламаторы, что вы о нем можете сказать? И были ли отец Иоанн Кронштадтский отображением Руси конца XIX века или, наоборот, живым ей укором?

Я должен сказать честно: в XX веке Святой Руси я что-то не заметил. Была Русь в некоторой своей части религиозная. Но от этого до святости сто тысяч километров. Этому свежее доказательство дает Испания: тоже была религиозная страна! Русь была не святая, а просто — человеческая. Ключки добра и зла были в ней так перемешаны, что эта мозаика напоминала морской берег в Коктебеле, известный своими разноцветными камушками. (Другими словами, была Русь такая же, как и другие великие народы, которые себя святыми не объявляют). Но эту человеческую Русь можно было любить и, во всяком случае, *остро жалеть*.

***

Что же для нее, человеческой Руси, было в XX веке хорошо и полезно?

Те, кто думал, что она, Русь, есть святая, прочили ей пути особенные, «самобытные»; пути, по которым другим народам, не святым, не идти. Что же это были за пути? Это были пути социалистические или полусоциалистические. Отсюда был культ Поземельной Общины, в которой мечтатели видели некоторый отблеск древнего христианства.

Столыпин имел мужество сказать: «Не по себе дерево рубим!». Навязывание социалистических добродетелей русской деревне приводило к тому, что загнанный в щель личный интерес принимал совершенно уродливые формы. Вместо того, чтобы подталкивать к энергичному и плодотворному труду, труду «для себя самого», личный интерес выродился в отравленную формулу: «Не дай разжиться соседу!». В этой ужасной позиции мужики взаимно держали друг друга за руки; почему и беднели. Столыпин закричал на них: «От чужой земли руки прочь, работай над своей!». Практически это выразилось в освобождении от Общины и переходе к единоличному хозяйству. Результаты столыпинской реформы превзошли все ожидания. Разжалованный из святых, в которые, впрочем, сам-то он никогда и не мостился, мужик охотно клюнул на «личный интерес». Сделавшись просто человеком, русский крестьянин на глазах стал преображаться. Конечно, он не сделался святым. Но он становился лучше, чем был раньше; и в этом все дело. Кто захочет поднять Россию на единый волос, совершит благо, потому что это возможно. Кто захочет возвести ее до небес, плюхнется в лужу.

***

Это и сделали большевики. Им небеса представлялись в качестве всяческой социализации. Несмотря на опыт «Социализма Высочайшего образца» (поземельной общины), давшего плачевные результаты; несмотря на опыт столыпинской десоциализации, давшей превосходный почин, большевики сделали резкий — *«не туда поворот»*.

Каков результат? Он у всех перед глазами. Все жалкое счастье мужика, вся его жизнь и отрада в наши дни в тех клочках «приусадебной» земли, что ему оставили «в личное пользование» (Статья 7 сталинской Конституции). Колхозное же поле, то есть главное

свое земельное имущество, он ненавидит всей душой. Теперь и слепому ясно, что не туда сделан был поворот.

Святая Русь всеми богохулительными словами кроет того, кто насильно загнал ее в «монашеское житие». И при малейшей возможности эти подневольные иноки взбунтуются и рассчитаются «по-святому» со своим отцом-настоятелем Иосифом Виссарионовичем, «родным, гениальным и любимым»...

* * *

Однако важно, *на всякий случай*, отметить нижеследующее. Не только потому марксизм легко овладел Россией, что русская наука в свое время так малодушно и так ненаучно покорила под ножи немецкому еврей. Были и другие причины.

Почему и отчего сие происходило, судить не нам. Но вот что верно: мысль, будто палка есть инструмент единственный, но достаточный, для устройства земельного рая в России, свойственна была не одному Сталину. Полковник Скалозуб в те времена, когда его зарисовал Грибоедов, был земельным реформатором, несколько напоминающим генерального секретаря КП наших дней. Сто лет до Сталина Аракчеев «сталинизировал» крестьянскую Россию. И даже без фигового листка. Сталин прикрылся лицемерной ложью, будто колхозы создавались «добровольно». Аракчеев был смелее и создавал свои военные поселения по Высочайшему повелению.

Каким образом либеральный и любвеобильный император, грезивший осчастливить свой народ, человек нежнейшей души и тончайшего ума, мог допустить устройство Насильственного Рая? Это есть загадка в стиле *âme slave*¹. Но из «случая аракчеевщины» должно быть ясно, что бацилла «палочного благодетельствования» сидела в русской душе слишком глубоко или слишком высоко. Быть может, именно поэтому и потребовались все ужасающие испытания, чтобы раз навсегда, всем миром, всем народом изжить «палочное искушение». Быть может, преемники Сталина, кто бы они не были, наконец, поймут: что есть предел и насилию; что главные гайки государства надо закручивать в соответствии с основными качествами народной души; и что нет ничего хуже в социальной политике, как *не туда поворот*.

Но если наследники коммунистической власти признают эти тезисы, то им придется сделать и тот вывод, что из них неизбежно проистекает. *Им придется вернуться на путь, которым шел Петр Аркадьевич Столыпин.*

Голос России. 1936. 22 сентября. № 14. С. 3.

Литература

1. Шульгин В.В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакин. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 752 с.
2. Периодика на руската емиграция в България (1920–1943). Енциклопедичен справочник / Отговорен редактор Р. Русев; съставители, автори на статиите и редактори Р. Русев, Х. Манолакев, И. Люцканов, Р. Илчева, Г. Петкова. София: Издателски център «Боян Пенев», 2012. 764 с.

¹ славянской души (фр.).

Аннотация. Вниманию читателей представлены 5 статей политика и журналиста В.В. Шульгина, опубликованных им в эмигрантских изданиях и объединенных темой социализма. Выпущенные в 1920-е гг. в русских зарубежных печатных органах, они с тех пор ни разу не переиздавались, а некоторые из них вовсе отсутствуют в собраниях российских архивов и библиотек. В данных статьях В.В. Шульгин выступает не только как противник социализма в целом и большевизма в частности, но и уделяет внимание критическому рассмотрению славянофильских теорий о самобытности и благотворности крестьянской поземельной общины, существование которой автор считает одной из главных причин крушения «старой» России.

Ключевые слова: В.В. Шульгин, социализм, большевизм, славянофильство, крестьянская община, русская эмиграция, П.А. Столыпин.

Anton A. Chemakin, PhD. in History, Senior Lecturer, Institute of History, Saint-Petersburg State University.
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

The Topic of Socialism in the Emigrant Journalistic Works by V.V. Shulgin

Abstract. Readers are invited to the articles, published by politician and journalist V.V. Shulgin in emigrant newspapers and united by the theme of socialism. Issued in the 1920s in Russian emigrant press, they have never been reprinted since then, and some of them are completely absent from the collections of Russian archives and libraries. In these articles, V.V. Shulgin acts not only as an opponent of socialism in general and Bolshevism in particular, but also pays attention to a critical examination of Slavophile theories about the originality and usefulness of the peasant community, the existence of which the author considers one of the main reasons of the collapse of "old" Russia.

Keywords: V.V. Shulgin, Socialism, Bolshevism, Slavophilism, peasant community, Russian emigration, P.A. Stolypin.